

Азбелев Сергей Николаевич
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Россия, г. Санкт-Петербург
Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого
Россия, г. Великий Новгород

Об уникальных известиях Никоновской летописи

Самая обстоятельная редакция летописного повествования о Куликовской битве содержится, как известно, в Никоновской летописи. В этом тексте есть сведения о фактах боевых действий, отсутствующие в других летописях и восходящие к свидетельствам современников событий 1380 года. С. К. Шамбинаго в своем труде, посвященном Повестям о Мамаевом побоище, назвал эту редакцию Киприановской редакцией и временем ее составления считал начало второй четверти XV столетия [Шамбинаго 1906: 182]. Позже, под воздействием критического отзыва А. А. Шахматова, Шамбинаго в коллективном труде определил ее как вторую редакцию, а вторую (согласно его начальной классификации) — как первую [История русской литературы 1945: 215–219].

А. А. Шахматов, подвергнув суровой критике работу Шамбинаго за его суждения о последовательности и взаимоотношениях редакций Повести, согласился с тезисом о вымышленности сведений Киприановской редакции относительно роли митрополита Киприана в событиях на Руси, связанных с Куликовской битвой 1380 года [Шахматов 1910: 194–195]. Но если для С. К. Шамбинаго создание этой редакции явилось как бы реализацией тенденциозного прославления Киприана вскоре после его кончины, то А. А. Шахматов относил возникновение такой тенденции к первой четверти XVI века и объяснял общим стремлением составителя самой Никоновской летописи, либо — предшествовавшего ей, но недошедшего митрополичьего свода, превозносить роль митрополитов в истории Руси.

Некоторые авторы коллективных публикаций середины и второй половины XX столетия, посвященных Куликовской битве, предпочитали скептически воспринимать сведения источников о позитивной роли русской Церкви в освободительной войне 1380 года, в особенности, все, что относилось к деятельности митрополита Киприана [Повести о Куликовской битве 1959; «Слово о полку Игореве» 1966; Сказания и повести о Куликовской битве 1982; Памятники Ку-

ликовского цикла 1998]. Дело не только в том, что у историков-атеистов преобладало заведомо негативное отношение к церкви и к ее деятелям вообще. Подобная позиция не была свойственна историкам дореволюционным, но умеренно критическая тенденция, неявно шедшая, в сущности, еще от Н. М. Карамзина и утвердившиеся в начале прошлого столетия с работой С. К. Шамбинаго, была вскоре подкреплена авторитетом А. А. Шахматова.

В начале XXI столетия в русской историографии произошел отход от одного из закрепившихся ранее параметров в изучении исторической основы Повести о Мамаевом побоище. Еще в 1987 году киевский историк Ф. М. Шабульдо оспорил довольно основательно ставшее к тому времени уже хрестоматийным представление об отсутствии митрополита Киприана на Руси в 1380 году [Шабульдо 1987: 130–131]. Представление, обязанное как раз авторитету Н. М. Карамзина, который вполне доверился хронологическому указанию Троицкой летописи XV века (и летописей, восходивших к ней), хотя и знал о противостоящем указании в летописи Никоновской. Вскоре выводы Ф. М. Шабульдо поддержал в своей научно-популярной книге Н. С. Борисов [Борисов 1990: 209]. Затем К. А. Аверьянов аргументировал их в докладах на международных научных конференциях в 2000 и в 2005 годах [Аверьянов 2002: 15–16; Аверьянов 2006а: 186–193]. Подробно вопрос рассматривался К. А. Аверьяновым в его книге о преподобном Сергии Радонежском [Аверьянов 2006б: 239–340]. С точки зрения истории общественного сознания и истории летописания эта тема обсуждалась в моем докладе, прочитанном на конференции 2010 года и полностью напечатанном в 2012 году, а годом ранее — сокращенно в составе монографии [Азбелев 2011: 105–116, 134–136; Азбелев 2012: 77–82]¹.

Наиболее важный вывод заключался в том что «Лѣтописецъ великий Русьскій» (ЛВР), составлявшийся, как выяснил А. А. Шахматов, еще

¹ Благодаря интернету я ознакомился с документами Константинопольского патриархата, из которых следует, что Киприан мог прибыть из Константинополя в Москву в мае 1380 года (о чем ясно сообщала Никоновская летопись), и, соответственно, мог лично участвовать в событиях, связанных с Куликовской битвой. Один из крупнейших историков византийской церкви Мануил Геден (1851–1943) — «великий хартофилак» (архивариус) Константинопольского патриархата — установил «продолжительность патриаршества Нила от июня 1379 до конца 1388 г.» (цитировано по: [Прохоров 1978: 91]) Патриарх Нил санкционировал назначение Киприана митрополитом. После этого Киприан спешно уехал (получив, очевидно, сведения о начавшейся войне с Мамаем). Поэтому подпись Киприана присутствует в перечне участников Собора в Константинополе, но отсутствует в его заключительном акте. Наиболее существенные материалы доступны в приложениях к книге, изданной недавно на русском языке в Париже [Мейендорф 1990]. Между тем, неподтвержденное представление об отсутствии Киприана а в Москве летом 1380 года послужило поводом для отрицания его причастности к Куликовской битве.

при митрополите Петре, дополненный и отредактированный под руководством митрополита Киприана, должен был содержать подробные сведения о судьбоносных для России событиях 1380 года.

Напомню известные заключения А. А. Шахматова об общерусском летописном своде, составителем которого «всега вероятнее», был еще митрополит Петр. «Новая редакция» этого летописного свода «принадлежала митрополиту Киприану» и «была доведена до 1390 г. О ней упоминает Троицкая летопись начала XV века, называя ее «Лѣтописцемъ великимъ Русскимъ». Составитель этой московской летописи, сказав о разрыве, последовавшем в 1392 г. между великим князем Василием Дмитриевичем и новгородцами, восклицает: «Кого от князь не прогневаша? Или кто от князь угоди им, аще и великий Александр Ярославич не уноровил им?... и аще хоцещи распытовати, разгни книгу, Летописецъ великий Русьский, и прочти от великаго Ярослава и до сего князя нынешняго» [Карамзин 1993: 282]. Итак, московскому летописцу начала XV века была известна книга, содержащая общерусский свод, ибо, что другое можно разуметь под «Великим летописцем»? Свод этот был доведен до великого князя Василия Дмитриевича; московская летопись воспользовалась им как источником: вот почему мы найдем в ней тверские, новгородские, нижегородские известия». Сопоставив Троицкую летопись с Симеоновской, которые «тождественны до 1390 г. включительно» А. А. Шахматов резюмирует: «Троицкая летопись положила в свое основание московскую летопись в редакции 1390 г. Появление же этой редакции, воспользовавшейся общерусским сводом, указывает, что свод этот был доведен до 1390 г., то есть, до окончательного утверждения в Москве митрополита Киприана. Вот откуда мы получаем основание говорить о Киприановской редакции общерусского свода» [Шахматов 1900: 151].

ЛВР в одной из позднейших его обработок, очевидно, послужил одним из источников Никоновской летописи и был тем митрополичьим сводом, к которому некогда возводил эту летопись А. А. Шахматов. Известно, что М. Д. Приселков был убежден в существовании помимо редакции ЛВР, обязанной непосредственно митрополиту Киприану, и двух последующих редакций «Лѣтописца великаго Русьскаго», датируя их предположительно 1426 и 1463 годами [Приселков 1996: 231–242]¹.

Находившаяся в составе ЛВР Повесть о сражении 1380 года естественно должна была отразиться в Никоновской летописи.

¹ Впрочем, без достаточно объясненных причин Приселков, в отличие от Шахматова, считал ЛВР летописью великокняжеской, а не митрополичьей.

А. А. Шахматов, датируя шестнадцатым веком находящуюся в этой летописи Киприановскую редакцию Повести о Мамаевом побоище, довольно бегло упоминал о присутствии в ее тексте оригинальных описаний хода военных действий. Часть этих фрагментов летописного текста вовсе не находила соответствия в других редакциях Повести, другие в Никоновской летописи оказывались полнее. Отнюдь не ставя под сомнение достоверность фактического содержания таких фрагментов, А. А. Шахматов склонен был возводить их отчасти к недошедшему Слову о Мамаевом побоище, отчасти — к московской летописи [Шахматов 1910: 200–201]. Судя по ранее мною упомянутым суждениям А. А. Шахматова, речь идет о том митрополичьем своде, который был использован составителями Никоновской летописи, то есть — о «Лѣтописце великом Русьском» в его позднейшей редакции.

Обращусь к текстам упомянутых оригинальных описаний: «Тоя же нощи, утру свитающу, мѣсяца сентября в 8 день на праздникъ Рождества пречистыа Богородицы, и возходящу сьлнцу, бысть мгла велиа по всей землѣ, аки тма, и до третьяго часа дни, и потомъ нача убывати. Князь велики же отпусти брата своего изъ двоюродныхъ князя Володимера Андрѣевича вверхъ по Дону въ дубраву, западной полкъ, давъ ему достойныхъ изъ своего двора избранныхъ; еще же отпусти съ нимъ известнаго воеводу Дмитрея Боброкова Волынца; еще же устрои той воевода Дмитрей и полки» [ПСРЛ 1897: 58]. Если отвлечься от находящихся здесь, хотя и беглых, но все же существенных дополнительных сведений, то можно утверждать, что содержание этого фрагмента присутствует и в других летописях.

Дальнейший же текст Никоновской летописи представляет уникальное повествование о схождении двух войск, русского и ордынского, которые двигались навстречу друг другу с двух противолежащих холмов на открытой местности Куликова поля. «И изполчишася христианьстии полцы вси и возложиша на себе доспѣхы, и сташа на полѣ Куликовѣ, на усть Непрядвы рѣки; бѣ же то поле велико и чисто и отлогъ великъ имѣа на усть-рѣки Непрядвы. И выступиша татарскаа сила на шоломе и поидоша съ шоломяни; такоже и христианьскаа сила поидоша съ шоломяни и сташа на полѣ чистѣ, на мѣстѣ твердѣ» [ПСРЛ 1897: 58].

Холмы, о которых говорится в Никоновской летописи, отсутствуют около впадения Непрядвы в Дон. Они расположены на реальном месте сражения — вблизи верховья Непрядвы. Их нетрудно определить согласно нынешним топографическим картам. Вершина «татарского» холма — около тогдашнего истока Непрядвы из озера Волова

(у теперешнего районного центра Волово). Она имеет отметку 276 м, а вершина противоположащего «русского» холма (вблизи теперешнего поселка Ольминка) имеет отметку 260 м. Седловина между этими холмами (около истоков речек Малевка и Кузовка, впадающих, соответственно, в Непрядву и в Упу) имеет отметки 245 и 247 м. Она находится приблизительно на равном расстоянии от вершин обоих холмов. Соответственно, перепад высот на месте встречи двух войск у центра Куликова поля составлял от 15 до 30 метров, причем более пологим был скат «русского» холма. Дистанция между вершинами холмов — 22 км. [Общегеографический региональный атлас 2006: 18–19; Атлас автомобильных дорог 2010: 17].

Последующие сведения лишь деталями повествования и некоторыми именами отличаются от других редакций. Здесь сказано, что великий князь сам объезжает и вдохновляет войска, ставит не свое место Михаила Бренка и обращается с молитвой к Господу. Прибывают посланцы от преподобного Сергия Радонежского с его благословением и ободрением. Великий князь, обратившись с молитвой к Богородице, приказывает своему войску «вмалѣ выступати». При этом названы «передовыя воеводы его Дмитрей Всеволожь, да Владимиръ братъ его, с правую же руку прииде Микула Васильевичъ, да князь Семень Ивановичъ, да Семень Меликъ со многими силами» [ПСРЛ 1897: 58–59]¹.

Но далее снова идет оригинальный почти во всем текст: «И бѣ уже б часъ дѣни; сходящимся имѣ на усть-Непрядвы рѣки и се внезапно сила великаа татарскаа борзо с шоломяни грядуще, и ту паки, не поступающе, стаща, ибо несть места, где имѣ разступитися; и тако стаща, копия покладше, стѣна у стѣны, каждо их на плещу предних своих имуще, преднии краче, а заднии должае». Дело в том, что открытое ровное пространство между верховьями упомянутых мною рек на пути татарского войска сужалось от десяти до двух километров, и ордынский авангард оказался вынужден или остановиться, или замедлить здесь свое движение.

«А князь великий такоже с великою своею силою русскою з другаго шоломяни поиде противу им. И бѣ страшно видѣти двѣ силы великиа сънимающесе на кровопролитие, на скорую съмерть; но татарскаа бѣше сила видѣти мрачна потемнена, а русскаа сила видѣти въ свѣтлыхъ доспѣхех, аки нѣкаа великаа рѣка лиющися, или море колеблющесе, и солнцу свѣтло сияюще на нихъ и лучи испущающи, и аки свѣтилници издалече зряхуся» [ПСРЛ 1897: 59].

¹ В других редакциях отсутствуют в этом фрагменте упоминания воевод князя Семена Ивановича и Семена Мелика.

Как следует из топографии местности, ордынский авангард двигался по направлению на северо-восток, то есть почти спиной к солнцу. Это были, как можно заключить из приведенного текста, не татарские всадники, а «фряжские» копейщики генуэзской пехоты. Навстречу им шли, очевидно, пешие ратники русского ополчения, чьи металлические доспехи блестели в лучах взошедшего солнца.

Приведенный текст передал впечатления, не участника самой битвы, а стороннего наблюдателя, который, не будучи человеком военным, принял генуэзских воинов за татарских. Все это могли видеть взятые великим князем, как сообщено в летописях, еще при выходе войска из Москвы, «десять мужей сурожанъ, гостей, видѣния ради: аще что Богъ случитъ, имуть повѣдати въ дальныхъ земляхъ... си же суть имена ихъ: Василей Капица, Сидоръ Елферьевъ, Константинъ, Кузма Коверя, Семионъ Антоновъ, Михайло Саларевъ, Тимофѣй Весяковъ, Дмитрей Саларевъ, Иванъ Шихъ» [ПСРЛ 1897: 54].

Не все они, может быть, действительно, наблюдали за ходом боя. Но в Никоновской летописи написано, что двое из этих гостей сурожан — Василий Капица и Семен Антонов — в ночь перед битвой имели видение: святой митрополит всея Руси Петр побивает «от поля грядуща множество ефиоп» [ПСРЛ 1897: 58]¹. Другие летописи не содержат этой вставки. В них находится только эпизод видения бывшего разбойника Фомы Кацыбея, где подразумевается, что полк врагов Руси побивают святые Борис и Глеб. В Никоновской же летописи эпизод видения Фомы Кацыбея сокращен, а следовавшая за этим эпизодом молитва Дмитрия Ивановича перемещена. Она в несколько измененном виде находится непосредственно вслед за эпизодом с видением гостей сурожан, а святые Борис и Глеб фигурируют здесь уже в связи с митрополитом Петром — после рассказа сурожанами великому князю о видении ими чудесной победы святого Петра над врагами Руси.

Как известно, митрополит Киприан после Куликовской битвы со-

¹ Привожу полный текст: «И тогда въ той же нощи видѣние видѣша Василей Капица да Семень Антоновъ: видѣша от поля грядуща множество ефиопъ въ велицей силѣ, ови на колесницахъ, ови на конехъ, и бѣ страшно видѣти ихъ и абие внезапу явися святыи Петръ митрополити всея Руси, имѣя въ руцѣ жезлъ златъ, и прииде на нихъ съ яростию велиею, глаголя: «почто приидосте погубляти мое стадо, его же ми дарова Богъ съблюдати?». И нача жезломъ своимъ ихъ прокалати, ови же на бѣгъ устремишася, и ови избѣжаша, друзии же въ водахъ изтопоша, овии же язвени лежаша. И сии вси сказаша вся видѣния сия великому князю Дмитрею Ивановичю; он же повелѣ имъ никому же сего повѣдати и начать со слезами молитися Господу Богу и пречистѣй Богородицѣ и великому чюдотворцу Петру, хранителю Русской землѣ, и святымъ мученикомъ Борису и Глѣбу, да избавятъ ихъ от татарския сиа ярости и да не поперуть свята пси и да не поаятъ татарскый мечъ православнаго христьянства»..

чинил собственную редакцию Жития московского митрополита Петра. Она вошла как составная часть в написанную Киприаном Службу митрополиту Петру. В ней содержатся «выражения радости по поводу недавно одержанной победы над “агарянами”, т.е., очевидно, победы над Мамаем в Куликовской битве» [Дробленкова, Прохоров 1988: 466].

Естественно предполагать, что если не Киприаном было сочинено, то Киприаном было инспирировано добавленное в Повесть описание видения митрополита Петра гостями сурожанами в ночь накануне сражения на Куликовом поле. Поскольку данное описание есть только в Никоновской летописи, напрашивается и предположение о причастности к одному из ее источников митрополита Киприана¹.

В данной связи обращает на себя внимание находящееся в Никоновской летописи оригинальное завершение летописной характеристики поведения великого князя в бою: «Преже всѣхъ нача битися съ татари; да одесную его и ошуюю его оступиша татарове аки вода и много по главѣ его и по плещамъ его и по утробѣ его бьюще и колюще и сѣкуще, но отъ всѣхъ сихъ Господь Богъ милостию своею, и молитвами пречистыа Его Матере, и великого чюдотворца Петра и всѣхъ святыхъ молитвами, соблюде его отъ смерти. Утрудень же бысть и утомлень отъ великого буания татарского толико, яко близъ смерти. Бѣаше же самъ крѣпокъ зѣло и мужественъ, и тѣломъ великъ и широкъ, и плечистъ и чреватъ велми, и тяжекъ собою зѣло, брадою же и власы чернъ, взоромъ же дивен зѣло» [ПСРЛ 1897: 63]. Две последние фразы, отсутствуют в других летописях. Эта концовка выдает в ее авторе современника, который лично знал великого князя.

Сравнительно недавно было обосновано мнение, что сам митрополит Киприан мог участвовать в создании Повести о Мамаевом побоище [Греков 1970: 31]. Из всех ее редакций именно текст Никоновской летописи дает этому подтверждение. Только в ней находится обширная вставка, не имеющая прямого отношения к Куликовской битве, а объяснявшая правомерность поставления Киприана московским митрополитом в 1380 году и осуждавшая поступки тогдашних его соперников Митя и Пимена [ПСРЛ 1897: 49; об этой вставке см.: Шамбинаго 1906: 169]. Подобный пассаж, естественно, утрачивал актуальность в контексте повествования о сражении на Куликовом поле через полтора столетия после этого события, когда составлялась Никоновская летопись. Тем более,

¹ Впрочем, С. К. Шамбинаго почему-то считал, что эпизод с видением Василия Капицы и Семена Антонова вставлен самим составителем Никоновской летописи [Шамбинаго 1906: 182] что вызвало удивление А. А. Шахматова [Шахматов 1910: 160].

что в ней под 1378 годом уже рассказывалось весьма подробно и о Митяе и о Пимене [ПСРЛ 1897: 35–41]. Вторично о том же кратко написано в ней же под 1379 годом [ПСРЛ 1897: 44].

Однако такие сведения были еще важны для самого Киприана, в то время, когда он, после своего окончательного утверждения митрополитом в Москве, редактировал «Лѣтописецъ великий Русьский».

Мнение же Шамбинаго и Шахматова относительно вымышленности тех сведений Повести о Мамаевом побоище, которые ведут речь об участии митрополита Киприана в событиях 1380 года на Руси, нельзя признать справедливым. Документация Константинопольской патриархии позволяет заключить, что Киприан находился в Константинополе только до весны 1380 года¹.

Прибыв в Москву, митрополит, конечно, благословил великого князя на противостояние ордынской агрессии. Лишенный реальной возможности непосредственно влиять на ход победоносной для его паствы войны 1380 года, но редактируя впоследствии свой «Лѣтописецъ», митрополит Киприан озаботился подобающим ее интерпретированием. Не будучи, однако, человеком военным, он это делал, как бы мы теперь сказали, без должного профессионализма.

Исследователей не раз смущало находящееся только в Никоновской летописи чрезмерно гиперболичное число сражавшихся на Куликовом поле русских воинов — 400000. Изначально такая цифра могла, очевидно, присутствовать в контексте, где речь шла об общем количестве участников сражения. При редактировании часть фразы оказалась перемещена несколько далее, в результате цифра 400000 стала выглядеть как количество одного только русского войска. Привожу реконструируемый исходный текст.

«И тако поидоша обѣ силы вмѣсто сниматися, оттуду татарская сила великаа, а отселѣ самъ князь велики Дмитрей Ивановичъ, со всѣми князи русскими; и бѣ видѣти русьская сила неизреченна многа, такоже и татарская сила многа зѣло. И уже близъ себя сходящимся обѣимъ силамъ, яко вѣще четырехсотъ тысящъ и конныя и пѣшия рати, выѣде изъ полку татарскаго богатырь великъ зѣло»².

Ошибочность перестановки доказывает тот факт, что несколько ранее в той же Никоновской летописи, как и в предшествовавших ей

¹ См. выше, примеч. 1.

² При цитировании устранена, по-видимому, ошибочная перестановка группы слов: «и бѣ видѣти русьская сила неизреченна многа, яко вѣще четырехсотъ тысящъ и конныя и пѣшия рати; такоже и татарская сила многа зѣло. И уже близъ себя сходящимся обѣимъ силамъ, выѣде изъ полку татарскаго богатырь великъ зѣло» [ПСРЛ 1897: 59].

летописях, была сообщена вдвое меньшая общая численность армии великого князя Дмитрия Ивановича, зафиксированная после перехода ею границы и вступления в рязанские пределы: «И прешедшу всему воинству его чрезъ Оку рѣку въ день недѣльный, и на заутрие въ понедѣльникъ самъ перевезеся... И повелѣ счесть силу свою, колико ихъ есть, и бѣше ихъ вѣще двоусот тысящъ»¹. Невероятно, чтобы после этого исчисления, произведенного уже за рубежом враждебного Москве Рязанского княжества, количество московского войска могло увеличиться еще на двести тысяч.

По-видимому, для согласования с упоминанием четырехсот тысяч в приведенной фразе Никоновской летописи, в нее еще дважды был введен повтор понравившейся редактору гиперболы. В первый раз ее содержат две фразы, которые были дополнительно введены им в Повесть, и на фоне общего ее контекста выглядят несколько неуклюже. В них говорится, что во время дискуссии военачальников о том, следует ли уже готовой для сражения русской армии переходить Дон, «ту приидоша много пешаго воинства, и житейстии мнози людие и купци изо всѣхъ земель и градовъ; и бѣ видѣти зѣло страшно, многое множество людей собрався, грядущие в поле противу татар. И начаша считати, колико ихъ всѣхъ, и изочтоша вѣще четырехсот тысящ воинства коннаго и пѣшего» [ПСРЛ 1897: 56]. Во второй раз такой повтор, — в сущности, еще менее уместный, — добавлен после указания числа оставшихся в живых после битвы: «Тогда глагола князь великий Дмитрий Ивановичъ: «изочтите, братие, колико осталось всѣхъ нас. И изочтоша, и глагола Михайло Александровичъ, московской бояринъ: “Господине княже, осталось всѣхъ насъ 40000. А было всѣхъ вѣще четырехсотъ тысящ и конныя и пѣшия рати”»» [ПСРЛ 1897: 65].

В остальных редакциях Повести о Мамаевом побоище итоговые цифры потерь хотя и гиперболичны, но, при небольших отклонениях от средних, довольно стабильны: говорится, как правило, что погибло 250 тысяч или 253 тысячи, осталось 40 или 45 или, 50 тысяч [Поведание и Сказание 1838: 67; Шамбинаго 1906: 35, 72, 122, 164, 190; Русские повести 1958: 37; Повести о Куликовской битве 1959: 17, 201 (здесь странное уточнение: погибло «от безбожнаго царя Мамаю 200000 без четырех человек»); Сказания и повести о Куликовской

¹: «И бѣ ему печаль, яко мало пѣшия рати; и остави у Лопасны великого воеводу своего Тимофѣя Васильевича тысяцкаго, да егда пѣшия рати или конныя поидетъ за нимъ, да проводить ихъ безблжно, и никто же отъ тѣхъ ратныхъ, идя по Рязанской землѣ, да не коснется ничему и ничтоже да не возьметъ у кого» [ПСРЛ 1897: 54–55].

битве 1982: 126; Памятники Куликовского цикла 1998: 186, 249, 335]. Таковым, очевидно, запомнилось исчисление павших, устоявшееся при бытовании Сказания о Мамаевом побоище в устной передаче.

С. К. Шамбинаго едва ли ошибался, считая, что Киприановская редакция Повести о Мамаевом побоище предшествовала почти всем другим ее разновидностям. Мнение А. А. Шахматова, объяснявшего нарочитое прославление в ней митрополита Киприана общей тенденцией или самой Никоновской летописи, или использованного в ней митрополичьего свода XVI века [Шахматов 1910: 194–195], трудно согласовать с тем фактом, что о роли митрополита сказано более или менее подробно во всех редакциях Повести о Мамаевом побоище.

Но о Киприане, как известно, вовсе не говорит подробная Летописная повесть о Куликовской битве, обязанная устным своим первоисточником воинской среде и составлявшаяся тогда, когда Киприан находился вне пределов Руси, будучи изгнан великим князем [ПСРЛ 2004: 131–137; Повести о Куликовской битве 1959: 16–25].¹ Значит, препарирование исторической реальности с целью подчеркнуть роль митрополита Киприана — это особенность самой Повести о Мамаевом побоище, возникшая в ходе той обработки устного Сказания о сражении на Куликовом поле, которая была закреплена именно в этом письменном произведении. Но подобное прославление — в ущерб даже роли великого князя и его сподвижников — не могло устойчиво и повсеместно продолжаться в устной традиции и в ее письменных отображениях. Другие редакции Повести о Мамаевом побоище либо более или менее скупо сообщали о роли Киприана, либо удерживали некоторые следы и фрагменты тенденциозных пассажей Киприановской редакции. Однако она оказалась востребована, очевидно, целиком при составлении Никоновской летописи, ибо отвечала ее общему стремлению подчеркивать историческое значение высших иерархов русской Церкви — стремлению, которое и проследил А. А. Шахматов [Шахматов 1910: 195].

Литература

Аверьянов К. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский накануне Куликовской битвы // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев посад, 2002. С. 15–16.

Аверьянов К. А. О местонахождении митрополита Киприана в 1380 г. // Куликовская битва в истории России. Тула, 2006. С. 186–193.

¹ Подробно об этой Повести см.: [Азбелев 2011: 70–96].

- Аверьянов К. А.* Сергей Радонежский: Личность и эпоха. М., 2006.
- Азбелев С. Н.* Куликовская битва и православная церковь // Куликовская битва в истории России. Вып. 2. Тула, 2012. С. 77–82.
- Азбелев С. Н.* Куликовская победа в народной памяти: Литературные памятники Куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб., 2011.
- Атлас автомобильных дорог Тульской области и прилегающих территорий / Руководители проекта А. П. Притворов, А. Н. Бушнев. М., 2010.
- Борисов Н. С.* И свеча бы не угасла... М., 1990.
- Греков И. Б.* О первоначальном варианте Сказания о Мамаевом побоище // Советское славяноведение. 1970. № 6. С. 27–36.
- Дробленкова Н. Ф., Прохоров Г. М.* Киприан митрополит // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 464–475.
- История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.–Л., 1945.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 5. М., 1993.
- ЛВР — Летописец великий Русский.
- Мейендорф Иоанн, протоиерей.* Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Paris, 1990.
- Общегеографический региональный атлас: Тульская область / Редакторы Д. Трущин, В. Пятницкая. М., 2006.
- Памятники Куликовского цикла / Сост. А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин. СПб., 1998.
- Поведание и Сказание о побоище великаго князя Димитрия Ивановича Донскаго / Изд. И. Снегирева // Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 2. Кн. 1.
- Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 11. СПб., 1897.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 43. М., 2004.
- Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
- Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. Л., 1978.
- Русские повести XV–XVI веков / Сост. М. О. Скрипиль. М.–Л., 1958.
- Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева. Л., 1982.
- «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла // Редакторы Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. М.–Л., 1966.
- Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.
- Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.
- Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. № 11. С. 135–200.
- Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» // Отдельный оттиск из «Отчета о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария». СПб., 1910.